

Николай де-Мелло, «гишпанскія земли» чернецъ.

(Изъ Смутнаго времени).

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ Смутнаго времени встрѣчается имя Николая де-Мелло, католическаго монаха, прожившаго около четырнадцати лѣтъ въ Россіи и бывшаго въ перепискѣ, послѣ майскаго погрома 1606 года, съ сандомірскимъ воеводою Юріемъ Мнишкомъ. Діаментовскій приводитъ въ своемъ дневникѣ три изъ его посланій, но, къ сожалѣнію, только въ извлеченіи. Костомаровъ обратилъ на нихъ вниманіе, довольствуясь, однако жъ, кое-какими выдержками изъ упомянутыхъ извлеченій. Никто еще, сколько мнѣ извѣстно, не позаботился выяснить личность Николая и ближе съ нею познакомиться. А съ критической точки зрѣнія, это вовсе не безразлично. Въ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ есть, хотя и немногія, но за то цѣнныя данныя. Къ слову сказать, бывало и такъ, что письма Николая де-Мелло приводились сплошь и рядомъ съ текстомъ Діаментовскаго, безъ всякой оговорки и къ немалому ущербу научной точности ¹⁾.

На Западѣ, въ Испаніи и Португаліи, укоренилось такое мнѣніе о Николаѣ, что онъ погибъ въ Астрахани мученическою смертію, исповѣдуя христіанскую вѣру; вслѣдствіе чего уже Кардозо внесъ его имя въ португальскую агіологию. Вообще, для его жизнеописанія, въ періодъ пребыванія въ Россіи, главнымъ источникомъ послужила его собствен-

¹⁾ „Журналь Мин. Нар. Просв.“, октябрь 1901 г., стр. 513.

ная переписка особенно съ Алексѣемъ Менезіемъ, бывшимъ тогда архі-епископомъ въ Гоѣ, и письма кармелита Ивана-Фаддея, того самаго, который представлялся Димитрію въ Москвѣ, а потомъ миссіонерство-валъ въ Испагани.

Въ настоящее время мы не имѣемъ въ нашемъ распоряженіи этихъ прямыхъ свидѣтельствъ; мы должны почерпать извѣстія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ ¹⁾. Но, и такимъ путемъ, какъ оказывается, можно дойти до нѣкоторыхъ новыхъ результатовъ.

Николай де-Мелло былъ родомъ изъ Португаліи, по всей вѣроятности изъ города Кавилхао. Семейство его принадлежало къ мѣстной знати. Мѣстомъ его дѣятельности были испанскія владѣнія, а такъ какъ Испанія и Португалія были тогда соединены подъ властью одинаго короля, то, не смотря на свое португальское происхожденіе, онъ слылъ повсюду за испанца. Еще юношей, въ Испаніи, или въ Мексикѣ, около 1578 года, вступилъ онъ въ орденъ отшельниковъ св. Августина, который былъ очень распространенъ во всей Америкѣ.

Пребываніе его въ Мексикѣ продолжалось недолго. Шесть лѣтъ спустя, въ 1584 году, онъ былъ переведенъ на Филиппинскіе острова, гдѣ, изучивъ мѣстныя нарѣчія, съ успѣхомъ занимался проповѣдываніемъ христіанской вѣры. Тамъ онъ пробылъ до самаго конца XVI столѣтія.

За это время, кромѣ сказаннаго, о немъ извѣстно, что онъ снискалъ всеобщее уваженіе, и, занимая отвѣтственныя должности, не чуждался писательской работы. Отъ него осталось одно, другое житіе ²⁾. По всему замѣтно, что онъ былъ человѣкъ образованный, преданный своему призванію, одушевленный высоконравственнымъ стремленіемъ.

Немаловажное порученіе, которое выпало на его долю, подтверждаетъ такое о немъ мнѣніе. Когда, согласно обычаю, пришлось посылать представителя къ орденскому начальству въ Европу, то избранъ былъ Николай де-Мелло, и на него возложили разнаго рода ходатайства при папской куріи и при испанскомъ дворѣ.

Николай пустился въ путь около 1599 года, въ сопровожденіи молодого японца, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Вся семья этого спутника переселилась изъ Японіи въ Манилю и обратилась въ христіанство при посредствѣ де-Мелло, и одному изъ сыновей дали имя Николая въ честь и память его духовнаго отца. Новокрещенный юноша вскорѣ вступилъ въ орденъ св. Августина, что еще болѣе скрѣпило

¹⁾ Изъ печатныхъ иноземныхъ источниковъ назову здѣсь: *Pineyro, Relacion del successo que tuvo nostra santa fe en los reynos del Japon; Trigault, De Christianis apud japonios triumphis; Antonio de Govea, Triunfo glorioso de tres Martyres espanoles; Postrema saecula sex Religionis Augustinianae, t. II.*

²⁾ Antonio Bibl. Hispana nova, т. II, стр. 153.

узы, связывавшія его съ своимъ просвѣтителемъ. Трудно было найти лучшаго спутника. Оба, отецъ Николай и братъ Николай, который въ отличіе отъ перваго называется обыкновенно Nicolaus a Sancto Augustino, поѣхали сперва въ Гою. Тамъ они свидѣлись съ мѣстнымъ архіепископомъ, знаменитымъ Алексѣемъ Менезіемъ, принадлежавшимъ также къ ихъ ордену и бывшимъ усерднымъ возвѣстителемъ христіанскаго ученія въ Индіи. Къ ихъ несчастію, готовыхъ къ отплытію кораблей не нашлось, и, чтобъ не терять времени, они рѣшились ѣхать сухимъ путемъ.

Сначала обстоятельства сложились благопріятно, особенно въ Персіи. Шахъ Аббасъ II принялъ ихъ очень милостиво, такъ что у нихъ зародились большія надежды относительно будущаго. Именно въ то время шахъ отправлялъ посольство въ Европу для заключенія союза съ христіанскими государями противъ турокъ. Отецъ Николай пожелалъ примкнуть къ персидскимъ представителямъ, на что шахъ не только согласился, но вручилъ ему письма для папы и для испанскаго короля, удостоивъ его даже особаго своего расположенія. Въ такихъ именно условіяхъ эта поѣздка и стала началомъ всѣхъ послѣдующихъ злоключеній.

Здѣсь источники расходятся. Въ посольствѣ участвовалъ англичанинъ, Антоній Ширлей, который занималъ высокое мѣсто при персидскомъ дворѣ и не желалъ раздѣлять своего представительства съ латинскимъ монахомъ. Онъ вовсе не лестно отзывался о немъ, приписываетъ ему неблаговидные поступки и глухо упоминаетъ о ихъ разладѣ ¹⁾. Совсѣмъ иначе дѣло представляется испанскими писателями. Они обвѣляютъ отца Николая и сваливаютъ всю вину на Ширлея, на его зависть и религіозную нетерпимость. Онъ всячески притѣснялъ и огорчалъ своего спутника, покушался даже будто на его жизнь. Какъ бы то ни было, персидское посольство, въ 1600 году, добралось до Москвы.

Здѣсь де-Мелло отказался отъ сожителства съ своими товарищами и поселился въ домѣ Павла Читадинъ. Это былъ докторъ, католикъ, родомъ изъ Милана, уже преклонныхъ лѣтъ. Еще въ 1595 году Генрихъ IV обращался къ царю Ѳеодору съ просьбою отпустить его во Францію, гдѣ онъ имѣлъ друзей и родственниковъ ²⁾; но желаннаго разрѣшенія не послѣдовало. Читадинъ все еще оставался на мѣстѣ, и, пребывая у него, отецъ Николай не только отправлялъ домашнее бого-

¹⁾ The three Brothers, or the travels and adventures of sir Anthony, sir Roberd and sir Thomas Sherley in Persia, Russia, Turkey etc. (London, 1825), p. 98:

²⁾ Richter, Geschichte der Medicin in Russland, т. I, стр. 322, 438.

служеніе, но даже окрестилъ новорожденную дѣвочку по римскому обряду.

Это дошло до свѣдѣнія Бориса Годунова. Предателемъ оказался Антоній Ширлей, а сообщниками его были англійскіе купцы, на проски которыхъ жаловался еще Поссевинъ. За доносомъ открылось слѣдствіе. Въ старой Москвѣ было своего рода третье отдѣленіе, были жандармы. У отца Николая сдѣлали обыскъ, при чемъ нашлись грамоты шаха Аббаса, посланія къ папѣ и къ испанскому королю. Все это показалось крайне подозрительнымъ, и, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, ничуть не заботясь о международномъ правѣ, Борисъ Годуновъ сослалъ мнимаго преступника въ Соловецкій монастырь. Память объ его пребываніи тамъ сохранилась въ грамотѣ 1600 года «о присылкѣ въ монастырь подъ началъ Гиспанскія земли чернца Николая съ человѣкомъ его» ¹⁾.

Шесть цѣлыхъ лѣтъ оба Николая провели въ Соловкахъ. Можно себѣ представить, какъ мучились и томились въ суровомъ сѣверномъ климатѣ непривычныя къ нему иностранцы. Но пока они тамъ бѣдствовали, о нихъ шли переговоры въ Краковѣ. Неизвѣстно, какими путями свѣдѣнія о невзгодахъ отца де-Мелло дошли до Рима, и папская курія заинтересовалась его участіемъ. Въ 1604 году, краковскій нунцій Рангони обратился къ польскому правительству съ просьбою вступить за невиннаго страдальца и выручить его изъ плѣненія. Поляки отнеслись доброжелательно къ дѣлу и дали ему канцелярскій ходъ, что, конечно, не обѣщало быстрого успѣха ²⁾.

Между тѣмъ Климентъ VIII пытался достичь своей цѣли еще другимъ путемъ. Онъ поручилъ кармелитамъ, ѣхавшимъ въ Персію чрезъ Россію, замолвить доброе слово въ пользу изгнанника. Какъ извѣстно кармелиты не могли проникнуть въ Москву при Годуновѣ и явились туда только при названномъ Димитріи. Съ новымъ царемъ дѣло уладилось немедленно. Николай де-Мелло былъ вызванъ обратно въ Москву, ему ставилась на видъ поѣздка въ Испанію съ важными предложеніями для короля и обѣщалось милостивое содѣйствіе.

Но злой рокъ преслѣдовалъ несчастнаго монаха. Пока онъ спѣшилъ въ столицу, въ Кремлѣ совершился кровавый переворотъ 27-го мая 1606 года. По своему пріѣздѣ онъ нашелъ на престолѣ ужъ не предпріимчиваго Димитрія, а Василія Шуйскаго, который вовсе не задавался мечтою объ испанскомъ посольствѣ. Пришлось вступить съ нимъ въ переговоры и объясниться на счетъ прошлаго. Посредниками и переводчиками явились опять-таки неизбѣжные англичане. Ихъ ковар-

¹⁾ Казань, Духовная академія, „Соловецкій Сборникъ“, № 18, грамота № 98, л. 7. Самой грамоты въ Сборникѣ нѣтъ. Сообщение С. Ф. Платонова.

²⁾ Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 90, b., л. 263 v., 279.

ству Николай приписываетъ печальный исходъ своего дѣла: его опять удалили изъ Москвы и, вмѣстѣ съ товарищемъ, сослали въ Борисоглѣбскій монастырь, основанный еще въ 1363 году близъ Ростова, при рѣкѣ Устьѣ.

Пребываніе въ монастырѣ было не что иное, какъ тюремное заключеніе, да къ тому же очень тяжкое, особенно для брата Николая. Его назойливо преслѣдовали и старались переманить въ православіе. Такимъ притѣсненіямъ отецъ Николай почему-то не подвергался, въ чемъ онъ самъ сознается. Оба страдали отъ всякаго рода лишеній, нѣрѣдко голодали и содержались вообще довольно строго. Однако жъ, съ теченіемъ времени наступило, кажется, нѣкоторое послабленіе. Сохранилось извѣстіе, что латинскій чернецъ былъ друженъ съ затворникомъ того же монастыря Ирнархомъ¹⁾. Этотъ бывший земледѣлецъ Ростовской области, деревни Кондакова, причисленный впоследствии къ лику мѣстно чтимыхъ святыхъ восточной церкви, былъ тогда въ большомъ почетѣ, сносился съ Василиемъ Шуйскимъ, принималъ однажды у себя Дмитрія Пожарскаго, благословилъ его крестомъ и получилъ отъ него льготу для своего монастыря. Такая обстановка отчасти объясняетъ обиліе извѣстій, которое поражаетъ въ дошедшей до насъ отрывочной перепискѣ отца Николая съ Юріемъ Мнишкомъ. Очевидно, онъ передаетъ ходячіе монастырскіе слухи, хотя однажды ему удалось самому сойтись съ постороннею личностью. Во всякомъ случаѣ, письма эти заслуживаютъ полнаго вниманія и подають кое-какія разъясненія.

Поводомъ къ перепискѣ послужило, вѣроятно, сосѣдство польскихъ пановъ, сосланныхъ 14-го августа 1606 года въ Ростовъ. Отъ нихъ можно было узнать окольными путями о пребываніи Мнишка въ Ярославлѣ, объ его надеждѣ возвратиться въ Польшу. Заманчиво было вступить въ сношенія съ нимъ, обмѣняться мыслями. Какъ де-Мелло взялся за это дѣло, догадаться трудно. Несомнѣнно, однако жъ, что вопреки строгому надзору и строжайшимъ запрещеніямъ, три изъ его посланій дошли благополучно до Мнишка. Да, кромѣ того, онъ какъ-то ухитрился сблизиться съ Андреемъ Стадницкимъ, однимъ изъ ростовскихъ плѣнниковъ.

Первое посланіе отца Николая пришло въ Ярославль 12-го іюля 1607 года²⁾. Оно было написано на французскомъ языкѣ. Въ немъ забытый узникъ рассказывалъ всю свою жизнь: пребываніе въ Америкѣ и московскія превратности, и свидѣтельствовалъ о своей непоколебимой преданности римской церкви. Ближайшая цѣль его посланія была просьба о ходатайствѣ въ Римѣ и Мадридѣ. Предвидя или только соображая,

¹⁾ Сообщеніе А. А. Титова по мѣстнымъ источникамъ.

²⁾ Діаментовскій (Hirschberg, Polska a Moskwa), стр. 103.

что польскому сенатору будетъ легче вырваться изъ русскаго плѣненія, онъ умолялъ пана Мнишка, въ случаѣ освобожденія, вступить за него и напомнить папѣ и испанскому королю о своемъ долгодѣтельномъ заключеніи и печальной судьбѣ. Въ томъ же пакетѣ находилось письмо Андрея Стадницкаго съ извѣстіями о польскомъ мятежѣ.

Совсѣмъ другаго рода и съ исторической точки зрѣнія гораздо важнѣе второе посланіе отца, полученное въ Ярославлѣ 25-го октября того же 1607 года ¹⁾. Здѣсь онъ мало что сообщаетъ о себѣ и, упомянувъ вскользь объ Андрѣ Стадницкомъ, распространяется о текущихъ событіяхъ. По свидѣтельству Діамантовскаго, борисоглѣбскіе черницы были гораздо лучше освѣдомлены, чѣмъ ярославскіе узники, а де-Мелло самъ признается, что, не смотря на препятствія, онъ узнавалъ все, что происходило въ Москвѣ. И вотъ какъ онъ описываетъ состояніе умовъ въ маѣ мѣсяцѣ 1607 года:

Вслѣдствіе постоянныхъ успѣховъ Ивана Болотникова и пораженія царскихъ войскъ, знатнѣйшіе изъ бояръ—ихъ насчитывается десятеро—обратились къ Василию Шуйскому и убѣждали его постричься въ монахи, предоставивъ престолъ тому, кто имѣетъ на него право. А сдѣлать такое предложеніе, говорили бояре, они рѣшились потому, что другаго исхода не было. Повсюду кровопролитіе и неукротимое возстаніе на царя: кто явно ведетъ войну противъ него, кто тайно подготавливаетъ измѣну, кто перебѣгаетъ на сторону непріятели; да и самыя царскія сторонники только ради страха пребываютъ въ вѣрности, чтобъ дѣтей не погубить и самимъ не пропасть. Понятно, что такія рѣчи раздражили Шуйскаго. Онъ бросилъ въ темницу слишкомъ смѣлыхъ бояръ и отобралъ ихъ имущество въ свою казну,

Загадочное сообщеніе. Конечно, всѣ подробности не выдерживаютъ провѣрки; но не странно ли, что событія 1610 года излагаются съ удивительною точностью ровно три года раньше? И не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что враждебное настроеніе противъ Шуйскаго созрѣвало долго въ боярскомъ кругу, что его насильственное постриженіе и заточеніе въ Чудовъ монастырь было намѣчено давно и имѣлось въ виду съ самаго начала его правленія?

Далѣе отецъ Николай рассказываетъ, что, разославъ повсюду патриаршія грамоты съ угрозами и анаемами, Шуйскій собралъ значительное войско и, выступивъ съ нимъ 14-го мая изъ Москвы, торжественно клялся въ Серпуховѣ, что вернется только побѣдителемъ. Между тѣмъ Болотниковъ, вырученный изъ Калуги княземъ Телятевскимъ, перешелъ въ Тулу, соединился тамъ съ самозваннымъ царевичемъ Петромъ Федоровичемъ и счастливо отбивалъ приступы царскихъ сторой-

¹⁾ Тамъ же, стр. 112.

никовъ. На этихъ военныхъ успѣхахъ обрывается разсказъ. Скорого паденія Тулы де-Мелло не предвидѣлъ и, быть можетъ, мечталъ о совсѣмъ другой развязкѣ.

Дѣло въ томъ, что въ теченіе октября мѣсяца онъ имѣлъ ночное, таинственное свиданіе съ какимъ-то московскимъ бояриномъ, «большимъ пріятелемъ воеводы князя Ѳедора»,—какого именно Ѳедора, къ сожалѣнію, умалчивается. Этотъ бояринъ подѣлился съ нимъ такими новостями: «вотъ осьмнадцатый день, говорилъ скрытый вѣроятно сторонникъ самозванца, что я покинулъ Путивль. Тамъ живетъ царь Димитрій, окруженный войскомъ тысячъ въ девять. Онъ писалъ Шуйскому, что могъ бы добыть престоль оружіемъ, но, будучи наслѣдственнымъ государемъ, чуждается насилія и потому совѣтуетъ не вызывать его на борьбу, а сдаться на его милосердіе. Съ этимъ письмомъ посланецъ Димитрія отправился сперва въ Тулу, а потомъ въ Москву, гдѣ, 4-го октября, въ присутствіи бояръ и войска, справилъ свое посольство и, получивъ отвѣтъ, возвратился въ Путивль. За тѣмъ послѣдовали переговоры и стали воздерживаться отъ взаимныхъ нападеній».

Если отецъ Николай соблазнился этими новостями, то ему вскорѣ пришлось разочароваться. Въ посланіи, доставленномъ въ Ярославль 7-го февраля 1860 года ¹⁾, онъ передаетъ, что Тула взята, Петрушка повѣшенъ, Болотниковъ въ оковахъ; удивляется, что при всеобщемъ разстройствѣ Шуйскому хватило духу на женитьбу; жалуется на свою горькую участь,—подъ часъ два, три дня проводятъ безъ пищи,—наконецъ возобновляетъ просьбу о доброй памяти въ случаѣ избавленія.

Всматриваясь ближе въ эту переписку, можно сказать, что де-Мелло добросовѣстно отмѣчалъ всё, что слышалъ, и безъ дальнѣйшаго разсчета слышанное передавалъ Юрію Мишкѣ. Въ этой безусловной откровенности и состоитъ главное достоинство его посланій. По всей вѣроятности, онъ самъ ничего не сочинялъ, а приводимые имъ слухи были дѣйствительно въ ходу. Въ монастырской кельѣ врядъ-ли удалось бы иностранцу выдумывать отчасти совершенно вѣрныя свѣдѣнія. Сравненіе съ другими источниками свидѣтельствуетъ также въ пользу отца Николая. Во второмъ его посланіи есть само по себѣ не важное извѣстіе, которое указываетъ на точность въ подробностяхъ. Говорится тамъ, что при выступленіи изъ Москвы Василій Шуйскій посадилъ въ тюрьму двухъ докторовъ, Давида и Кристофа. И дѣйствительно, въ русской столицѣ находились тогда докторъ Давидъ Вазмеръ изъ Любека и венгерецъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 123. Afferetur въ приведенномъ здѣсь евангелическомъ текстѣ—бесмыслица. Слѣдуетъ читать auferetur.

докторъ Кристофъ Ристленгеръ ¹⁾. Ихъ имена вѣрно воспроизводились въ Борисоглѣбской обители.

Переписка съ сендомірскимъ воеводою имѣла для монастырскаго узника важныя, но лишь отдаленныя послѣдствія. Участь его покуда не измѣнилась. Ему выслали, по крайней мѣрѣ однажды, отвѣтъ и денежную помощь. Мнишекъ писалъ о немъ Сигизмунду III въ прочувствованныхъ выраженіяхъ и докладывалъ, что онъ имѣетъ тайныя порученія, которыя не дай Богъ, чтобъ погибли вмѣстѣ съ нимъ въ Россіи ²⁾. Повторялъ ли онъ изустно въ Варшавѣ то, что писалъ изъ Ярославля, и какъ на это откликнулся польскій король, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, выручка пришла не съ этой стороны.

Въ 1611 году, 30-го ноября, случилось происшествіе, которое сильно потрясло и опечалило отца де-Мелло. Выше уже было упомянуто, что брату Николаю навязывали переходъ въ православіе. Впослѣдствіи стали докучать и самому отцу Николаю. Иноземные писатели утверждаютъ даже, что ему обѣщали архіерейство въ случаѣ согласія. Отъ словъ перешли къ дѣйствіямъ: начались притѣвленія, преслѣдованія и даже всякаго рода мученія. Съ оособою жестокостію обрушились на брата Николая. Его разлучили отъ отца Николая, увѣряли, что послѣдній уже принялъ православіе, подвергли истязаніямъ и, наконецъ, грозили лютою смертію. Молодой японецъ оставался непоколебимымъ въ страданіяхъ, имѣлъ случай свидѣться съ отцомъ Николаемъ, убѣдился, что онъ не измѣнилъ своей вѣры, и вѣкорѣ передъ глазами своего спутника былъ безпощадно казненъ. Та же участь ожидала де-Мелло, но ради поляковъ и по ихъ просьбѣ его избавили отъ смерти.

Таковъ рассказъ иноземныхъ писателей. Надо признаться, что онъ теменъ, сбивчивъ и не поддается удовлетворительной критикѣ.

Другой фактъ представляется въ условіяхъ большей достовѣрности. По смерти дорогаго товарища, де-Мелло еще нѣкоторое время томился въ заключеніи. Только около 1612 года наступила для него давно желанная минута избавленія. Виновницею является бывшая царица Марина. Что вызвало ея заступничество, остается для насъ тайною. Можетъ быть, самъ де-Мелло обратился къ ней съ просьбою; можетъ быть, Марина съ какой-либо другой стороны узнала о немъ и вспомнила объ его перепискѣ съ сендомірскимъ воеводою.

Какъ бы то ни было, но мужъ Марины, такъ говорятъ иноземные писатели, атаманъ Иванъ Мартыновичъ Зарудскій, взялся за дѣло и достигъ намѣченной цѣли. Отца Николая освободили, онъ пріѣхалъ къ Маринѣ и вмѣстѣ съ ней перебрался въ Астрахань.

¹⁾ Richter, т. I, стр. 372, 374.

²⁾ Львовъ, Библ. Оссолинскихъ, 2431.

Новая обстановка ему, кажется, понравилась. Посреди казакаго войска образовался маленькій католическій очагъ. Ихъ было тамъ трое монаховъ: кромѣ отца Николая, при Маринѣ постоянно находился ея исповѣдникъ, бернардинъ Антоній изъ Люблина, да еще случайно присоединился къ нимъ кармелитъ Иванъ-Фаддей, котораго шахъ Аббасъ посылалъ къ Сигизмунду III въ Польшу, но который былъ задержанъ въ Астрахани ¹⁾. Марина не мало обрадовалась присутствію такихъ гостей; они были для нея желанными утѣшителями. Она завела у себя домовую церковь, посвященную Богородицѣ, гдѣ, въ день св. Августина 1613 года, отецъ Николай впервые отслужилъ литургію. То же радушіе, какъ и Марина, оказывала ея родственница Варвара Казановская. Она ѣдила въ Москву на свадьбу съ Димитріемъ и, бывъ тогда въ главѣ блестящаго женскаго штата Марины, не покидала ея въ несчастія и невзгодахъ. Особенно она сблизилась съ отцомъ Николаемъ и даже примкнула къ его ордену.

Это относительно счастливое время продолжалось не долго. Извѣстно, въ какомъ безвыходномъ положеніи очутилась вскорѣ Марина. Она поняла, что Россія передъ нею закрывается навсегда, и стала думать о перемѣщеніи въ Персію. На эту мысль ее навели, пожалуй, побывавшіе при испаганскомъ дворѣ монахи. Прежде всего, она рѣшила отправить посланца къ шаху Аббасу, чтобы сговориться съ нимъ. Выборъ ея колебался между отцомъ Николаемъ и Иваномъ-Фаддеемъ, и остановился наконецъ на послѣднемъ, который вскорѣ и уѣхалъ въ Персію.

Между тѣмъ въ Астрахани обстоятельства обострились, сложились такъ грозно, что Марина принуждена была покинуть городъ и спастись бѣгствомъ. Она направилась на Яикъ. Только немногіе согласились ее сопровождать. Какъ извѣстно, бѣглецы были настигнуты на Медвѣжьемъ островѣ. Окруженные царскими войсками, казаки защищались недолго и выдали Заруцкаго, Марину и отца де-Мелло. Это извѣстіе, заимствованное отчасти у иностранныхъ писателей, подтверждается отпискою 11-го іюля 1614 года астраханскихъ воеводъ князя Одоевскаго и Головина къ казанскимъ воеводамъ князю Воротынскому и Ушатову, гдѣ упоминается, какъ спутникъ Марины, плѣненный вмѣстѣ съ ней, «чернецъ Миколай» ²⁾.

Что случилось дальше и какая участь постигла де-Мелло, трудно установить съ должною точностью. Иноземная версія сводится къ тому, что Марина была умерщвлена, отцу же Николаю и Варварѣ Казановской предлагали сперва перейти въ православіе; потомъ, въ виду ихъ рѣшительнаго отказа, ихъ стали немилосердно мучить и, наконецъ, жи-

¹⁾ Kruzinski, De legationibus Polono-Persiis dissertatio (въ сочиненіи Prodronus), стр. 247.

²⁾ Акты историческіе, т. III, стр. 33, № 33.

выхъ сожгли на кострѣ. Источникомъ для этой версіи послужило, вѣроятно, письмо кармелита Ивана-Фаддея, бывшаго тогда въ Испани и слѣдившаго за астраханскими событіями.

Вообще, необходимо замѣтить, что иноземные писатели придаютъ своему изложенію исключительно религіозную окраску. О свирѣпствовавшей тогда національной борьбѣ и ея проявленіяхъ они вмѣютъ лишь очень поверхностное понятіе. Скучность русскихъ извѣстій объ отцѣ Николаѣ не допускаетъ желаемой и безусловно нужной провѣрки. Не знаю, на какомъ основаніи г. Лѣствицынъ утверждаетъ, что де-Мелло «по ходатайству сына индійскаго раджи, пріѣхавшаго съ нимъ въ Россію и остававшагося въ Москвѣ, былъ освобожденъ потомъ Шуйскимъ изъ заточенія и возвращенъ въ Москву, но тамъ вскорѣ умеръ и погребенъ, а бывший его спутникъ выѣхалъ въ Польшу» ¹⁾).

Самъ де-Мелло оставилъ послѣ себя двѣ записки: одну—о своей личной миссіонерской дѣятельности; другую—о казни спутника своего брата Николая. Но были ли онѣ когда-либо напечатаны, этого библиографы положительно не высказываютъ ²⁾). Пожалуй, онѣ до сихъ поръ хранятся въ рукописи, и не легко будетъ ихъ найти. Подлежащія разысканія дѣлаются однако въ Римѣ и Мадридѣ. Если, кромѣ того откроется переписка отца Николая съ Алексѣемъ Менезіемъ, своими братьями и кармелитами, то весь этотъ эпизодъ Смутнаго времени явится передъ нами въ новомъ и для исторіи поучительномъ освѣщеніи.

П. Пирлингъ.

¹⁾ Сапѣга въ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ, стр. 10.

²⁾ D. V. Machado, Bibliotheca Lusitana, т. III, стр. 495; Ossinger, Bibliotheca Augustiniana, стр. 579.